

18+

ВЯЧ КОН

ОН ЖИВ

в...миг переплавления

Вяч Кон

Он жив. В... миг переплавления

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23576299

ISBN 9785448396953

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Бог – это мгновение, далее – жизнь. от А до Я геометрия слов и поступков. Как это движется? Вечность – это миг, далее – человек. Где Я – там ТЫ. Если Мы вместе...

Содержание

Он жив	5
От автора	6
Шаг 1	17
МЕСТЬ	62
Шаг 2	69
ИЗ ТЕМНОТЫ	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Он жив В... миг переплавления

Вяч Кон

*Ирине Сергеевне Беловой
Моему любимому учителю
Посвящаю*

Иллюстратор Вяч Кон

© Вяч Кон, 2020

© Вяч Кон, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4483-9695-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Он жив

От автора

Что есть *бессознательное* и каковы его функции и задачи в жизни человека и мира, который его окружает.

Первооснова по Циолковскому. Синее Ничто по Гете. Великая Женственность по Блоку. Тайну по Достоевскому. Творческое пространство по Бердяеву. Пустота на Востоке. Источник жизненных сил по Юнгу. То из чего все рождается и куда все уходит. То, что творит равновесие и целостность в человеке и мире. То, что является бессмертием. Творящая из себя действительную. Рождающую все живое и человека.

Перенос своего сознания и чувствования в другую область, рождает удивительную способность расширять себя до размеров я-ты, Я-Они, я-Все, я-Космос, я – Бог. Это простой действенный путь возможен при одном просом условии преодолении страха и эгоцентрического себялюбия, говоря простым языком – малодушие. Великодушие всегда ценилось у людей как каждодневный жизненный подвиг и называлось простым словом – доброта. Творить добро равнозначно проявлять великодушие, и здесь один путь через понимание другого и желание ему помочь – самопожертвование.. принести себя в жертву не есть акт уничтожения себя, как-то обычно воспринимают по древним языческим формам, это акт являет собою символическое значение «забыть на время о себе», полюбить другого и его проблемы, полю-

бить так чтобы это стало частью тебя и всем тобою.

Такая форма *растворенности* себя во внешнем, есть гибель для душевных сил человека и обнаружение пустоты. И вот тут то возникает обратных ход отказ внешнего погружение в себя для наполнения. Необходимость уединения и одиночества как фактор создания пространна созерцания. Которое позволять теперь перетечь вовнутрь все внешнее и аккумулироваться. Но потребность в таком перетекании об обогащении себя через впитывание внешнего приходит через полную отдачу себя и растворение, именно тогда все возвращается в полной утроенной форме с новыми живыми дыханиями времени и пространства. При сохранении в себе хоть малой крупички чего-то прежнего есть вероятность очевидного конфликта сил заскорузлых и умирающих в своем бездействии и новых притоков, проветренность или вентиляция возникает, когда мы верим в подобный процесс, из которого возникает бесстрашие. Невозможно войти в новую пьесу с прежним пониманием жизни.

Рассмотрим триединство человек пространство время, на основе Отец Сын Святой дух. Значит, точнее, было бы распределить как Время Человек Пространство.

Попробую определить, почему так:

Пространство это то из чего рождается человек, а человек уже рождает Время. Как Бог являет себя из души человека, которая в свою очередь является из некого простран-

ства. И поскольку душа бессмертна то в зависимости от того, в каком пространстве она себя обнаруживает такие силы, и рождает через нее Бога. Если Бог образ, а душа слово, и Образ рождается в слове и из него вытекает и выражает то, из чего он был сотворен. Потому он имеет начало путь, и конец бессмертен, ибо возвращается в лоно пространства, из которого душа его вновь вынимает. Если Бог есть осознание или образование, то душа есть чувства, а пространство Святого духа Бессознательное. Исследование именно этого аспекта на сегодня важнейшая часть рассмотрения, в котором мы твердо можем говорить о взаимосвязи мысли-образа в поисках нового пространства для зарождения нового образа через человека. Если точно определить, где происходит действие – (Бог являет себя в действии, поступке) то вполне тогда можно определить что это за событие и какие последствия она повлечет. К примеру, человек оказывается в природном мире, и бог являет себя как Зверь Стихия. Если это пространство людей, то здесь мы видим человека-Бога, если это искусственный мир то тут присутствует художественный символ. Образ бога человека был явлен как образ соединения людей, образ огня явлен как органическое житие с природой и черпание сил из нее, образ цифры, ноты. Буквы как пространство искусства. К примеру, театра оперирует действием. Кино – образом, поэзия – ритмом. Оперирует, то есть выражает. Являет, таким образом, Бога.

Сегодня открыто пространство игры и игрового действия

и Бог в нем ребенок, забавляющийся. Во времена моралите. Бог был учителем. В экзистенциализме Бог-пророк. В виртуальном мире Бог-творец. В греческой драме Бог-лекарь. В импрессионизме Бог созерцатель художник, в философии Бог мыслитель, в религии Бог-мистик, в Христианстве Бог Един универсален.

Открытие нового пространства, это открытие нового бога. А точнее если брать исходность о Единстве, то открытие новой функциональной части тела Бога Единого. От конкретного до абстрактного. Вплоть до того, что открытие, к примеру, ауры открывает Его кинетического пространство. Открытие невидимых излучений это космос. Открытие каждой новой ветки открывает пути к новым контактам, в том числе и космических. Куда так стремиться расширить свою душу человек. Расширение души посредством открытия новых пространств и есть постижение Бога во всем Его многообразии и единстве.

Если Бог после взрыва рассыпался на тысячи звезд, и открытие и общение с ними есть долгожданный завет. То постижение их качеств есть шаг на сближение с ними. Существование черных дыр, поглощающих свет, подобен и в человеке. И если принять аксиому что человек есть космос. И все что происходит в нем, происходит во вселенной, то преодоление черноты в душе и открытие звезд есть изменение в космическом масштабе. Изменяемся мы – изменяется космос. Как-то говорили в Египте.

Попробуем создать космос из разных частей Бога.

Бог среди людей – Авторитет.

Бог от природы – Зверь.

Бог от стихий – Огонь

Бог от искусства – Звук

Образ

Поступок

Событие

Бог науки – Идея

Бог жизни –

Шок – является сильным фактором возбуждения энергетической силы, противодействующей ужасу человеческой природы. Шок приравнивается к состоянию комы, или смерти человеческого организма. На сегодняшний момент шок используется как доводящий развитие действия до своего критического момента. Когда гибель неизбежна. Отличительная черта от смерти, он размыкает цепь логичного конца и поднимает на высшую ступень посредством возникшей эйфории противления. Если точнее она не дает сомкнуться кольцу, и, как бы, подбрасывает вверх.

Как это происходит. Шок – болевое ощущение мобилизирующая всю энергию, равномерно распределившуюся в ходе уравновешивания нормами жизни. Создается при этом диссонанс между прошлой жизнью и той, от которой она начи-

нает возрождаться. Эффективность этого метода рассмотрел Достоевский, который довел принцип страдания как очищающего фактора от вредоносных соединений и выбора лучшего для того чтоб освободиться от ненужного и возродиться в выброном лучшем. Гете и Шиллер. Которые положили основу изысканиям Достоевского, в поисках среднего компромиссного состояния, но на более современном этапе, и социальном существовании человека, Достоевский приходит именно к выбору и принятию так сказать односторонности, добровольного обрезания. Мотивы христианства и личностное чувство русской природы в человеке. Определили его очень точную позицию по отказу от инстинктов как лишения их источника силы и ослаблению их влияния. Некое замораживание, при котором в природе человека погибают вредные бактерии. Шок, как заморозка, парализует и заставляет включать иные силы, противостоящие привычному телесному движению воли человека. Отсюда открывается новая формула. Именно для русского человека, пытавшегося многие века выжечь огнем злостное воздействие страсти, и приводящего себя к опустошению. Здесь свойство иначе было опробированно Чеховым как способность уходить от крайностей, что в конце концов привело его к теплоте существованию, способствующего размножению как хорошего так и злого и невозможности отказаться от подобного состояния мягкотелости и невозможности к противлению. Но был найден иной ход успокоения через отстранение от ситуации

и создания паузы, которая и породила во многих его героях напряженное ожидание новой жизни. Оба фактора являются характерным, как для определенного круга людей с их характерами, так и социального пласта их жизни. Если у Чехова, для интеллигента единственным спасением является способность к самоограничению как отказ от крайностей и прихода на средний путь сознательным путем, то Достоевский идет от обратного раскрепощения и развития этих противоположностей, усиления борьбы и устранение ее путем предельного накала, за которым и стоит тот самый шок человеческой природы, где вступает явление Свыше через обращение к нему как молитва и покаяние.. У Достоевского ступает некая третья сила способная либо спасти человека, либо его убить окончательно. Как в одном случае, так и в другом, мы встречаемся с присутствием чего-то высшего, что умиряет человеческую гордыню. У Чехова это идет рациональным путем, у Достоевского иррациональным. В первом случае возможно участие в развитии человеческого духа, путем уменьшения и приобщения к нечто большему, в другом случае явление высшей воли показывает, что есть человек в космическом масштабе. Первый путь во внутрь себя, второй за пределы человека. Но в обоих случаях мы видим открытие в форме человеческой воли открытие творческого потенциала, а именно как поиск как приобщиться к нечто большему и великому. Через, опять же, добровольное признание источника жизненной силы. И здесь мы обнаружи-

ваем шоковую пустоту и тишину в паузе. Потребность заполнить пустоту идеалом, а в тишине услышать прекрасные звуки и увидеть образ красоты, и определяет необходимость отказа от предыдущих образов и знаний, дабы принять новое необходимое на сегодняшний день как живое дыхание времени. Я писал уже об этом раньше в первой еще работе, но разобрано было не достаточно и довольно абстрактно, поэтому позволю себе вернуться в этой теме о неизменности вечного. Которое питается действительностью, и наоборот. Процесс обратимости я нарисую так

Как мы видим во всех случаях. С кораблем или то с вращающейся рамкой в магнитном поле мы приходим к тем же противоположностям в середине, которой рождается путь как движение. И это, по сути, важная черта рождения жизни, из которой мы можем предположить как жизни вечной. В режиссуре был интересно использован Арто.

Любопытен третий тип выявлений Метерлинком. Существо слабое и беспомощное, находящееся в постоянном самбулическом состоянии, как порождение остановленного развития под сильным воздействием страха перед создающимися и существующими противоположностями и их извечный конфликт. Страх подавил и вытеснил жизненную энергию в ту самую область снов и мечтаний. Где, по всей видимости, и существует творец, изливающий свою силу. Эти существа, рожденные в пространстве сильных проти-

воречий, неожиданно раскрывают себя в экстремальных ситуациях, проявляя Высшую Волю, где другие склоняют головы. Подобная линия интересно разобрана Арбузовым. Со своей стороны, где линия бессознательного утверждается и раскрывается при случайных обстоятельствах, раскрывающих причинный момент зарождения подавленности страхом. Любопытно у Арбузова, в отличие от сказочного Метерлинка, вполне человеческое завершения истории, где человеку остается сила надежды на лучшее, Слабое, но сильное в своем крепком убеждении, словно неделимое зерно будущего. Санамбулическое Метерлинка все же отлично от Юродивости на Руси, ибо имеет некий гипнотический транс, подобный отстраненной медитации на Востоке, с разницей, что это все-таки насильственный акт. И воспринимаемый как сумасшествие (показатель времени). На Руси подобная форма относит себя как обостренное оголение мыслей и чувств, в виде откровения, которое часто воспринималось как откровение свыше, ибо среда Руси с более женственным и чувственным характером, относится всегда с великой материнской заботливостью, поэтому у нас этот характер носит белее ребячество или Ивана — дурочка, или того же что вызывает сильное переживание в виде сострадания. На Руси это уже не сознательный выбор как-то на Востоке, или призвания шамана в диких племенах, это уже превращается в великую необходимость. Город без юродивого или чудака можно было считать прокаженным, как город без праведника в ази-

атских странах. Сегодня этот уникальный фактор утерян рациональным запад и еще терпим в России в образ страдающих бомжей и пьяниц. Не знаю, есть ли нам необходимость более сознательного выбора подобного «призвания», но крупица осознания я думаю, не помешает. Об этом в моих произведениях.

Образы маленьких людей были интересно разработаны и образе Обломова, как безделье русских богатырей до определенного периода. Как некоторые люди с задержанным развитием сознания (паузой в целую жизнь), а так же люди с чрезмерно быстрым развитием, пришедшим с ранней старостью, которая, как и детство уже вне противоречий. Пржитость Отца Зосима как детскость уже царстве небесном. Состоянием, которое можно определить как миролюбие, или, переходя на научный язык, противоположности *перетекают* друг в друга, образуя целостное и неразрывное. Соловьев был близок принципом дополнения, это период уже после созревания сознания и, его прекрасно завершил Бердяев художественного мироощущения. Юношеская Робость или старческая кротость, точки, на которых можно положить состояние души, с которым входишь в Рай. Здесь и возникает то самое Незнание, когда я знаю, что ничего не знаю. Как в начале, так и в конце. В этом плане здесь чтоб от него отказаться. Глупость Ивана-дурака, или наивность, есть зерно той сущности, что я просто существую, потому что существую, и здесь та самая вера чистая как великая до-

верчивость. И вот здесь и самый интересный ход как мы приходим к этому, сохранив детство ли возвращаемся к тому, что не оценили и потому не обрели. На сегодняшнем этапе как человеку необходимо вернуться в свое начало, так и человечеству к своему первоисточнику. Но человеку надо преодолеть свое величие.

Закономерное развитие человека приводит к смерти или тому главному преобразению, после которого начинается его новая жизнь.

2

по-сути я создаю мост между сознательно-рационально—внешним и внутренне-лично-чувственным. Этот принцип не нов, но существовал всегда, но всегда являлся в новых формах. Исследование этих новых форм и характеризует мое творчество.

Мы пробуем новый формат и в этом видимом сражении я принимаю чей-то вздох чей шаг не видим но прекрасен великолепием границ ведущих в необъятные зарницы далей, Ах если бы они ответили с таким же жаром любви-поверить можно и тогда возможно многое что не данно сейчас.

Однажды ангел опустился на землю

Шаг 1

Треугольная равнина

Один художник очень долго жил только своими картинами. Они поглощали его силы и дарили новые. Картин развелось столько, что в кладовую ставить было не куда, их никто не покупал потому-то он их не продавал. И захотел он однажды их оживить. Но как снять по ним фильм никак не знал. Тогда он стал их описывать.

Умирающая планета.

– Ой, как плохо. Ну, вот это за танцы, ну какая здесь пластика – да ее никогда и не было. Вот почему в фигурном катании красиво..., а здесь...

– Я понял главную причину кризиса наших отношений, и эта причина заложена во мне.

Я вроде бы готов был все свалить на тебя, но потом понял, что ты лишь просто отражала, что была у меня внутри, но это было б еще пол-беды. Ведь когда мы были в общем, деле и решали общие проблемы и вдруг как дух какой- то хватил...

однажды я был художником-потом умер,
однажды я был мыслителем-потом умер
однажды я был поэтом-потом умер,
однажды я был актером-потом умер,

однажды я был любовником-потом умер.

однажды я был...

Я руководитель. Я уже год правлю коллективом из четырех человек. Людей принявших законы установленные мной, законы пришедшие свыше. Четыре человека, каждый с разной волей и способностью чувствовать и воспринимать ситуации. Четыре мира, каждый из которых самобытен и самоценен, каждый таил в себе что-то неповторимое и незаурядное. Я всех ввел в единый образ, свои индивидуальности они оставляют дома. Мы выходим на сцену и обрушиваем на зрителя один цепкий и единый образ – они аплодируют. В период становления в стране демократии сложно где-либо увидеть такую сплоченность, многие видят в нас забытую всеми дружбу. Дружбу, обретенную нами в страхе потерять друг друга, дружбу, рожденную в страхе вновь остаться в одиночестве.

Нельзя сказать, что это была встреча родственных душ, мы становились ими. Мы забывали самих себя прежних, мы рождали себя новых перед необходимостью быть. Законы нашего бытия были просты: дисциплина ответственность профессионализм. Очень не просто, после свободного парения среди улиц случайных лиц и заработков, свободных мыслей. Это был акт самопожертвования, но в нем было столько же и признания своей слабости перед машиной глобализации, которая катила свои колеса на нас с Американской пирамиды. После десяти лет скитаний смятений безысходности, мы

чувствовали в этом спасения от невыносимой ноши самостоятельности. Мы отдавали свои жизни в налаженный продуманный механизм наступающего гуманизма. У каждого из нас были семьи, у каждого свои нереализованные идеи и непомерные амбиции по отношению к себе. Никто из нас больше не мог вынести непризнания и унижения, каждый стремился подняться и вознестись над нищетой и беспомощностью. Из подобных соединений души и тела

рождалась гремучая смесь, ядерная сила, не останавливающаяся ни перед чем, во имя единственной цели – выжить и утвердить что «я есть».

Я вспоминаю себя, как, будучи распятым глазами прохожих, стоял на Арбате и зарабатывал себе на жизнь клоунскими трюками. Как единственным моим полем деятельности были мечты, как очевидно я видел в реальности их невосполнимости, как глубоко верил в их сбывчатость. Как свободен и, как связана, была моя жизнь в необходимости бороться за каждый день своего существования. Как безнадежно верил в случайные встречи. Как принял беззаговорочно договор о покупке своего таланта, как засверкала реальная перспектива и как после я совсем забыл о прежних проблемах. На смену им пришли новые. Самым загадочным стала для меня любовь к продюссору. Как же это все было: Арбат, я изображаю «живую статую» мимо меня потоком движутся люди, мне бросают монетку – я делаю «па», смеются уходят, удивляются – бросают монетку еще, итак несколь-

ко часов, дней подряд. Я не мог жить без этой «живой реки», иногда по-лени я не приезжал, после чувствовал себя довольно скверно. Я сдружился со многими местными служащими ресторана и кофе, многие из прохожих меня полюбили и приходили почаще, чтоб встретиться со мной. Потрясающей личностью представлялся мне администратор ресторана «Старый Арбат», так получилось что я «стал» напротив его так и остался. Он часто покидал свое рабочее место, я свое и мы опрокидывали за счет заведения по рюмочке, иногда платил я.

Подобные проявления чувств и испытывал на себе герой нашего проекта: Здравствуйтесь Витас!!

Пишет Вам ваша поклонница, в первых строках хочу поблагодарить Вас, благодаря вам я снова хочу жить, в ваших глазах я вижу того человека, которого я любила, его убили, Вы очень похожи, он тоже был артист, но ваш талант, ваш потрясающий и не с чем несравнимый голос вдохнувший во мне жизнь, Ваша красота и обаяние, чистота не с кем не сравнится. Я знаю, что я не получу ответа, я недостойна такого человека как ВЫ, но за секунду, за мгновение общения я готова отдать все, ведь таких как я у вас хватает, а кто я такая, но я все же надеюсь если не увидеться, то хотя бы поговорить.

Что мне делать с собою, не знаю
Как бороться с собой, не пойму
Без тебя я в тоске погибаю

боль сердечную я не уйму
Я отдам все тебе на свете
За глаза, поцелуй твой и смех
И я знаю на этой планете
Тогда буду счастливее всех;
Я люблю тебя потому что ты есть,
потому что ты там, а я здесь,
потому что мы так далеки
И дороги к тебе не легки
потому что в минутный досуг
Я всегда и везде
Лишь мечтой живу о тебе.

Простите меня если чем обидела, я знаю, Вы отзывчивый добрый, если нельзя увидеться хотя бы подарите немного общения, прошу Вас, поверьте, я не фанатка, я человек, который семь лет любил и потерял и вот за все это время, за два года я ничего не хотела, не зная Вас я могу сказать что люблю, помогите мне, я люблю ваш голос, ваши песни, и вас, не только из-за того, что Вы похожи, Вы я знаю, я уверена вы неповторимы, я прошу вас помочь мне. Я оставляю свой телефон и адрес. Меня звать Марина, я работаю воспитателем в детском саду, когда был жив мой парень танцевала в шоу, мне 26 лет. Это кратко, дома после работы бываю после 22.00.

(адрес)

НАДЕЮСЬ. ВЕРЮ. И ЖДУ

ОБНИМАЮ И

ЦЕЛУЮ. МАРИНА. (письма не редактировано)

А вот статья из «Московского комсомольца» 6 ноября 2001 года.

«Новый вид любви – президентофилия.

Шейгу же с гордостью говорит: «Единственное, что сегодня сплачивает наше общество, – это надежда на президента... Президент буквально излечивает общество от депрессии и неудовлетворенности собой. Мы должны отвечать этим общественным настроениям»

И вот Достоевский:

«...Но стадо вновь соберется и вновь покорится, и уже раз навсегда. Тогда мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ...» (Великий Инквизитор. Братья Карамазовы. Том 20)

«...И вся земля удивилась и последовала за зверем...» (Откровение 13:3—11)

В названии проекта «Философия Чуда» не сомневался никто. Все мои коллеги сошлись на едином что это Явление, один добавил что «это должно быть приятно». Вот что я нашел позднее в своем дневнике:

Пришествие.

Он здесь. Он пришел – кричали афиши. Кто-то верил, кто-то не придавал значение (игра слов) кто-то замазал краской. Его определили как явление. Я был рядом.

Когда- то он был во- мне. Но не узнанный ни кем и был отвергнут. Сегодня Он пришел в другом, и был принят одним. Тот дал ему волю известность реализацию. Он защитил его от глухоты мира – мир его услышал. Я оказался обрамлением. Контуром, формой – он сутью. Мы тянулись друг к другу, ублажая себя взаимопониманием. Как долго этого не было! Как долго жаждало сердце, но мне было невыносимо тяжело быть его геометрией, и не возможно было не быть. Он радовался – я страдал.

Наверно прошло еще бесконечное движение времени, словно резина она тянулась бы тянулась пока однажды ее предел не наступил и оно вернуло обратно к началу и я рванул его. Оставив нити позади.

Неожиданное событие перевернуло весь путь: один маленький фальшь в голосе стал причиной многих бед.»

Позднее я, очевидно, убедился в правдивости этих строк, но пока как развивались события до крушения:

Эликсир свободы.

Планета охвачена странной эпидемией. На улицах обнажаются люди. Лето горит жутким пламенем. Вороны падают на лету, воробьи бьются о фонарные столбы, сходя с ума. Коровы на скакивают на трамваи. На бельевых веревках между домами кричат транспаранты «Он пришел! Он здесь!» На каждом углу громкоговорители извергают крик человеческого голоса в три с половиной октавы. Летят червяки:

– Вы слышали – он кастрат!

– Нее-е-е это вживленный в горло компьютер!!

– А мне говорили достоверные источники, что это высшее достижение современной хирургии.

– На что простите?

– На горло! на что вы еще намекаете?!

– Нет, просто подобные случаи в истории уже имели место быть...

– А я вот знаю стопроцентно это реинкорнация душ!!

– О, Господи началось!

– Скорей бы это прошло, у меня посевные на носу..

– Это еще только начало!

Маленький скворечник, молодой буйвол лет тридцати выкрикнув подобное хватает свой лоб обеими копытами и, приклонив его к мокрой фанерке царапает ее рогами.

– Тебе нельзя появляться говорить и фотографироваться. Все земное движение погубит тебя, ты Бог – и смешивать небесное с земным нельзя. Воробей, чирикнув подпрыгивает на вертящемся стуле.

– Мне нужно сменить оперенья!

– Это мы сделаем! Это не проблема. Проблема в другом – чтоб поверили надо еще что-нибудь что приведет всех в экстаз..

– Я умею останавливать сердце, и пульс у меня есть только слева.

– А справа? – остолбевает буйвол.

– Вообще нет – чирикает воробей.

– Ну, ты даешь!! – открывает рот, – Вот это уже лучше. Надо в прессу статью о невероятном явлении. Это даже не должно быть привычной формой пришествия, а

просто есть и все. Чтоб обосались и все. И никакого прошлого, только то что «Он пришел! Он здесь.»

– Да сэр! – крикает козел из угла, – ничего кроме этого.

– Месир, здесь две птички хотят видел Милорда, – голова пингвина протиснулась в дверь.

– Закрой дверь. Что ты здесь.. если им надо пусть ждут у входа – ревет на него буйвол. Козел быстро шепчет ему что-то на ухо.

– Ну, ты бы так и сказал что они от тебя, а то стелешься как червяк – отворачиваясь, бормочет буйвол.

– Это я рядом с такими метрами такой – лепечет, пятясь, пингвин, исчезает за дверью.

– Фу ты, с кем приходится работать – буйвол жалобно кидает взгляд на воробья.

– Нет, он славный, и идеи у него есть. Он просто мягкий – чирикает тот.

– Через чур – буркнув, буйвол начинает что-то писать.

Все окружают его, затаив дыхание приподниматься, чтоб лучше видеть.

Под скворечником толкутся муравьи.

– Скажите кто-нибудь это Он или не Он?.

– Который?

– Ну, Тот что должен быть или Тот который другой.

– Если вы имеете в виду Того то это вполне может быть, но может быть этот и другой.

– Который?

– Ну, тот, что тоже есть но его не ждут.

– А ждут кого?

– Того, кто должен прийти.

– А это кто?

– Может быть Он, а может другой, а может вообще никто.

– Это как?

– Ну, Тот, кто должен прийти может не этот, или Этот другой.

– Тот кто?

– Кого мы не ждем.. А может, кого мы не ждем как раз Тот, кто должен прийти, а Тот, которого ждем не тот.

– Может быть, тогда надо ждать.

– А с этим что делать?

– Надо посмотреть.

– На кого?

– На того, кто пришел.

– А если Тот, кто пришел не Тот, кого мы ждали ведь кого мы ждали совсем не Тот.

– Тогда мы будем еще ждать.

– А если это Тот?

– Тогда мы его примем.

– А если не Тот?

– Тогда предадим суду за машеничество.

– А если предадим за машеничество того, кого не ждали,

но он оказался тот.

– Тогда нас казнят.

– Разумное решение.

– Но в тюрьму не хочется.

– Тогда давайте найдем разумное решение.

– Надо принять кого угодно.

– Правильно и пусть будет кем угодно: хоть тем хоть этим,

главное нам не ошибиться.

– В этом случае мы никогда не ошибемся.

– Очень здравый подход. Прошу голосовать. Все за. Надо пойти и сказать что раз он пришел то пусть будет.

– Да пусть будет, какой он есть. И мы на его стороне в любом случае.

– Очень хорошо, господа поздравляю всех со здравым решением вопроса. Следующее заседание Разумных существ объявляю на завтра, вопросом будет стоять тема Кто к нему пойдет. Прошу подготовиться тщательно и детально. Вопрос серьезный и легкомыслию не подлежит, а то в наших рядах появились некоторые поэтические течение, которые вносят в наши общие планы левые коррективы. А как вы знаете «левизна» описана еще много лет назад и повторять подобные ошибки нам не гоже. До встречи. Да обедам мы все сегодня

по левую сторону от дерева, где находится помещение сегодняшнего великого глашатая.

– Правильно мы можем его увидеть в дырочку.

– И не надо будет никому ходить.

– И это сразу расположит его к нам.

– Как мы очень быстро расположились к нему.

– Bravo, это надо выложить на песке.

– Здесь же!

– Сейчас!

– Ни тая, ни минуты!

– За дело!

Муравьи выстраиваются так, что с высоты скворечника видны слова уже гласящиеся на транспарантах.

– О это уже клево. Ты у меня мой дорогой взлетишь выше сокола. Даже выше солнца. – воркует буйвол, поглядывая через щели скворечника вниз.

– Так я ж уже пришел оттуда – подпрыгивает воробей, – я и сам всегда чувствовал, что я оттуда.

– Да... О, точно ты инопланетянин, пришелец из другого мира. Тебя надо перекрасить ... в серебрянный – уже роется в углу буйвол.

– Может хохолочек поднять – вставляет козел.

Буйвол, долго открыв рот, смотрит и вскрикивает:

– Нет! Никаких хохолоков, никакого шоу, только настоящее вечное.

– Можно голову побрить – чирикает воробей.

– Это лучше, это как ... ну да это не важно, надо идти вразрез со временем. Взрывать все к чертовой матери.

– Правильно. Я сейчас заору, и листья посыпятся. – прыгает на жердочку воробей, готовый появиться в отверстии.

– Стой! Надо еще так сделать, чтоб и дуб с корнем вырвало, и чтоб он рухнул на головы всем. – кричит вслед буйвол.

Воробей останавливается.

– Да, но как это сделать?

– Как это сделать? – загорается буйвол, – как это сделать...

Во! Я сейчас прыгну с дерева..

– И разобьешь им бошки, а они подумают, что это я крикнул – радостно чирикает воробей.

– Не, надо тоньше. Я спущусь задним ходом, и как ты заорешь, стукну головой по дубу, – буйвол начинает взламывать заднюю стенку скворечника.

– Ага, и навернусь вместе с ним, – испуганно чиркает воробей.

– А крылья у тебя на что? – отшвыривает одну из досок буйвол.

– А я не могу одновременно и кричать и взлетать. – не сдается воробей.

– Так учись, кого же черта я из тебя Бога делаю, сердце останавливать можешь, пульс слева на права переносить можешь.. о, кстати, это ты можешь?

– Надо репетировать – чирикает воробей.

– Репетируй! А я тут пока дуб подпилю, чтоб молнееностно все рухнула. И не тяни, надо это сейчас завтра будет поздно.

– За усы не дергай, —

Вывод

Актеры (земные жители) давно не живут своей жизнью, их жизнь осталась где-то там, на галерке всего амфитеатра, они как призраки входят в жизни тех, кто был признан или кого должны признать, их собственная потеряла ценность за ненужностью. Их призрачное счастье для других игра, а для них единственная жизнь. Это единственный наркотик позволяющий делать иллюзию жизни действительной. Зеркала их душ отображают тени, призраки

Открываешь страницу, смотришь на свое лицо – запыленные клавиши и понимаешь, что так больше жить нельзя. Особенно после такого утра...

В зеркале на тебя смотрит спокойное, уверенное подернутое счастьем любовной ночи лицо. Тишина и покой как бы укутали этот дом, где ты был принят как неизбежное с которым надо мириться и лучше полюбить, чтоб не кривить душой. Лучше пойти на встречу, как не была противна эпоха и эта подрастающая молодежь – смена в которой не видишь своего лица. Вот! чего хотят все передающие: видеть свое отражение в потомстве. И никто не вправе осудить этот деспотизм, иначе просто все вымрет, если не будет хоть мало-

мальского подобия, корни отомрут.

В зеркале лицо – счастливое и спокойное уверенное на сегодня, ведь вчера были разговоры об искусстве и любви к нему, призвании. Теплая домашняя обстановка подлечила мою потрепанную душу и безграничная любовь, той ради которой весь смысл моего существования обретает ясность и чистоту. Пусть будет так. Господи!

Дневник.

Ух, кажется, опять справился. Вот ядерная техника. Ну, теперь уже все, слава Богу. Так о чем мы. А... Вот интересная жизнь у девушек. Захожу это я домой, а из кухни племянница хозяйки глазами зырькает: так и блестят, так и блестят, видать побывала в моей комнате, и все там рассматривала., как я в ванной ее белье. Неистребимый интерес полов друг к другу. Ну, думаю, попал, останемся наедине – что-то произойдет, если нравственные барьеры в нашей время прижались к земле. Так, низко-низко...

Ох, эти крепкие напитки, все от них ...Странно я как-то пишу, как бы между, между делами: аби хдяби аби туби, между бытовыми делами, даже о чем пишу не пойму, да и не знаю зачем, наверно от нечего делать. А другое не умею, точнее так хорошо как мне думается – ведь тут я свободен и никому не продаю, значит, честен и бескорыстен. Как только начну продаваться – все, баста, пропал. О, теперь я на компьютере могу делать монтаж, как в кино, и смысл сразу меняется, как только меняю местами события, великая

вещь. Да., то ноябрь. Это я в окно посмотрел, нет в себя.

Новый век и человечество вновь пытается надеяться что, что-то измениться к лучшему, вот и реклама кричит о новинках спасающих наше тело и даже настроение, искусственная поддержка до того момента, когда это станет естественным

Какой загадочный свет проливается в мою комнату через окно. Сквозь прозрачную занавеску: кружева узоров – мне не спится. Я не могу спать, когда приходит ошеломляющая мысль, облаченная в художественную форму, она особенно сильнее проникает и захватывает мои и без того легкоподдающиеся соблазнам чувства. Это я днем могу иронизировать и хохотать над миром.

И новый день меня пьянил – видимо я алкоголик во всем. Тихо пощелкивает компьютер. Спасибо всем, что я живу.

Если я начну продавать то, что пишу, я лишусь форточки, через которую дышу. Не дай Бог.

Нет, мошенничества ой как много, вот я, например: собираю со стола и сую в холодильник книжонцию которую читал, все от задумчивости. Другие наверно от рассеянности, третьи от мечтательности – творческий акт. Вот судьба сводит таких, а они потом революцию делают или еще чего ни будь такое великое. У меня все по-другому, все попроще и почестнее, даже весело. Ах, нет, было такое... я даже пьесочку сценарий по этому поводу написал, там говорилось, что всем миром правит выдумка и расцвет, из которого рож-

дается абсурд и полная смехота, то есть комедия. Интересно, почему все, что божественно то комично. Веселый он наверно тоже.

«Сегодня лучше быть атеистом» – фраза извне.

Как все-таки характеризует характер и судьбу человека выбор профессии. Не перестую благодарить Бога за этот дар. Сколько веры в том, что существую, и скрытой правды от завистливого взгляда, у которого нет своей. Вот взять мою хозяйку – прачка. Все суды-пересуды она несет в дом, дом от этого трещит и кряхтит, и все кто в нем. Вот и моя любимая завтра пойдет в какую ни будь фирму и будет заниматься каким-нибудь банковским делом и цифры заполнят наше с ней существование, если я не смогу стать для нее отдушиной в этом деле. Я пытался взять ее в антрепризу, но у нее нет навыков и она очень боится, мужество придает только любовь и желание мне помочь – о, как она пыталась помочь мне, и как было горько признать, что много лет надо перед тем как выйти на большую эстраду, и с пожелания продюсера мне пришлось ее заменить. Но как она любит искусство и особенно актерство, как не кто из всех профессионалов, которых я знаю – вот им бы такую горячую любовь и желание, но профессия убивает все лучшее. Как хорошо, что в писательстве я не профессионал, и не дай Бог мне им стать. Но я очень беспокоюсь за будущее своей любимой. Но мо-

жет быть и хорошо, что она сохранит свой дар актера не тронутым никакой школой и системой – вы бы видели какие чудеса она совершает когда мы остаемся одни. Мне даровано становиться зрителем удивительных спектаклей, шарад, куражей любимых персонажей над любимыми персонажами с любимыми персонажами в любимых персонажах. Ни один великий актер так не сыграет, никто не обладает такой свободой как дилетант – о, только им дается право творить чудо, только они только верят ничего не умеючи и потому бог к ним милостив, и помогает им за горячее желание и веру в таинственное нераскрытое. Дай им еще сил, Господи, дай им себя как они отдаются. Но почему порой, когда мы чего-то очень страстно желаем – не получаем, словно Бог бережет эту страсть, видимо так, до каких-то своих времен. И мне порой чего-то не дает, словно выдерживает, словно настаивает свое вино в наших душах, лужах своих слез ...надежды, он тоже чего ждет и надеется. Мой отец перед смертью говорил своей женщине, последней, когда просила написать мне письмо, не его слезы одиночества, но он говорил, что я сам должен прийти. И я пришел. В день похорон, по приглашению, как Нитше. С тех пор началось безумное скитание в поисках чего-то, чего сам не знал.

Чувство оставленности гнала и гнала. Был ли конкретный образ чего-то или это сокрытое ощущение, ведь я никогда не знал отца, как и мы не знаем Христа, только ведет нас чувство потерянности и незащитности, чтоб обрести опору.

Все-таки мы ищем землю. Все-таки мы люди, а не птицы, и нам нужен дом и очаг. Я говорю наверно об этом, в силу того, что сам давно этого не имею и потому так тянусь там успокоиться.

Видно сильно в памяти укоренилось чувство радости тишиной и безмятежности, которые царили в нашем доме, где прошло мое детство, пока не началось странствие. Блудный сын, Пер Гюнт, растративший все, что было за душой, теперь беднее всех. И никакой жизненный опыт, и мудрость от него, не заменит доверчивости и непредвзятости суждений, в том наивном стремлении охватит весь мир любовью и заботой. Опыт дает рассудок и суживает рамки до реальных, а душу до мелочных обид за свое несовершенное существование, потом хула на Бога, паразитизм, алкоголизм, депрессия, агрессия борьбы за существование и когда что получается, или так кажется, что творец всего, несусветная гордость демона. Дальше все, дальше ад. Он всегда приходит рано или поздно – агония ненасытности чего бы то ни было – это уже бездна, XX век. Кто войдет в следующий, а кто останется в вечном огне святости или страдания. Но что-то отомрет, это точно, я чувствую. Но, имея свой коридор можно двигаться взад и вперед, соединяя века одной нитью взаимосвязей лучших обретений человечества, укрепляя их отношения, побеждая отчужденность и рознь, подобное хаосу. Не добрая ли цель дальнейшего деяния, не потонуть бы в злодеяниях, что параллельно там идут и тянут в омут свой,

отсюда и пословица, что к счастью все дороги через ад.

Холодный ливень ночью. Я ложусь под открытым окном, замотав голову полотенцем – лысина мерзнет, я глотаю свежий острый воздух в свои легкие, я процеживаю время сквозь лопатки, ключицы, жабры, мне нужно им надышаться – впереди вечность и такого уже не будет. Я хватаю каждую минуту и как паук высасываю из нее все. Какая неминуемая жадность к сегодняшнему, когда знаешь что завтра этого уже не будет. Как трепетно переносишь туже лучину – без нее все мертво, и только бесы... Наша сила – в нашей вере.

Ночью ходят по комнате мысли и чувства, не получившие днем своего разрешения, и я если напиток кофе и не спать, то есть вероятность их успокоить на бумаге, укладывая по ритмам сердца – ох как они счастливы, вместе с тобой – чувство выполненного долга по спасению наполняет тебя и ты поднимаешься к небесам. Не дай вам Бог здесь так же загордиться.. и дальше боль, обида, страх и злоба, куда не плюнь везде обман и только вера, символ Бога, тебя спасает, Чудный храм. Капли дождя по карнизу дробят тишину, творя музыку только для них понятных слов, но в сердце они на удивление находят отклик. Видимо суть у них одна. И это отодвигает сон. Небо спускается в ладони и снимает мозоли.

а сегодня день закончился кровью. Мы пытались отмыть ее нежностью, бросились друг другу в объятия – лишь бы забыть весь ужас как продьюссор избивает ногами клоуна.

Мы целовались и целовались, а лицо, облитое кровью было между нами, мы бежали в ванную комнату, а клоун говорил человеку в костюме, что он педераст и красный нос уже становился по-настоящему кровавым. Наверно не стоит говорить человеку о том, что у него больно, но злая участь клоуна смеяться и получать за это красные носы. Я шел не с ним рядом я шел с человеком в пальто поверх костюма, я убеждал в рыцарском поступке и боялся оказаться на месте того – я сам был им часто, что-то меня научила моя профессия – угождать людям, делая им приятное на миг самому становиться так же, на один миг, один лишь миг, а клоун в углу обливается кровью и уже тоже говорит, что он говорил не с умыслом и вообще не ему, да и совсем не то, лишь бы не били, лишь только остановить ненавистную злобу, но жребий упал – он потерял работу. Как мы восхищаемся прошлыми лицедеями, шут при дворе у нас бог, а сегодня он уж не... да он и не был таким, прошлое идеализирует, только настоящее имеет место быть правдивым. Но с последствием и его одни уничтожать, а другие в отместку поднимут до небес, ах вот она история рода человеческого, древо познания, столь далекое от древа жизни.

Разве я засну после такого, сможет ли душа успокоиться, о, нет – пока есть чья то боль и кровь на ресницах, уже вместо слез – XX век.

Рядом с толстым клоуном была девушка со смеющимися глазами. Кто-то сказал

как она может с ним, но у нее были такие чудесные глаза, да и кто может сказать, чем вызывается любовь. Я сам существую в такой связи, что вполне можно сказать со стороны странной, но утром мы всегда пьем кофе вместе и молим Бога, нас не разлучать.

Поздним вечером телепаю домой, малейший запах напоминающий, где я был сегодня вызывает дурноту во всем теле и, особенно в груди, там, где находится душа, теперь я точно знаю, где она живет.

Как хочется света и воздуха в мире, где прославясь уже душишься от массы забот сжатого в комок времени, и пространства стесненного до маленького компьютера, который как форточка в твоей комнате, всего лишь форточка-иконостас. Я проникаю через нее и превращаюсь в электровейник. И кружусь кружусь песчинкой в небе – стук в окно, и когда меня бросают я не знаю, что мне думать – толи деньги, толи обида, толь презрение к моим идеалам. Я не знаю, что движет людьми, когда их возвращаешь при помощи денег.

Ха, вот потрясающий сон: я всю ночь готовлюсь что-то припаять со сложной технологией серной кислоты каких-то жучков, которые растворятся под жалом паяльника станут жидкостью для очищения сплавов, но я почему-то касаюсь капельками, которые остались на моих пальцах некоторых присутствующих, вокруг стоит ажиотаж, словно я совершаю невероятный подвиг потом все садятся есть и я не выдерживаю и ощущаю страшный голод, вот только не пом-

ню, припаял я или нет. Перед глазами прыгают чертики и я не знаю, как мне быть в этой ситуации – Господи, помоги. Все припорошило нежным снегом, а я дымлюсь. Но проходит ураган и все успокаивается. Вечер скандалов закончился, мне приснились котлеты и на утро я уже принимал свежие решения, правда, кофе пришлось пить ни с чем, а точнее со своей проблемой.

Мужество растет в борьбе, а вместе с ним и жестокость. Благодетельство, воля, деспотизм, агрессия, злоба, одержимость – не дай вам Бог. Творите лучше мир. По первому снегу, по первому снегу идите в алтарь своих жертвенных дел, по первому снегу откроются дали волшебных открытий и чудных побед. По первому снегу, по первому снегу, по первому снегу. Все припорошено, все посветлело небом щедрым. Я возвращаюсь домой поздно ночью, дырчит старое такси, хлопают двери и вокруг ни души. Я падаю в кровать чуть умиротворенный, но так и не решивший, сколько же стоит труд моей души, и какая плата за него, как не признательность и любовь. Только она творит чудо, которое мне так нужно, и вам. Господи дай мне силы отдавать, а не брать.

Доброе утро. Я очень рад вас слышать и думать о вас, именно с этим я сегодня и проснулся. Спасибо за внимание.

Смотрю сквозь вуаль в свое сердце и никак не могу разрешить свои чувства, о справедливости – кого любить, кого наказывать, но к слабым я больше испытываю симпатии. Я эгоист и мне нравится чувствовать, что я делаю хорошо –

так открывается душа.

2

Вот и вышел я на большую сцену (мир) и что? – не готов, все на уровне Арбата, с которого меня подобрал продюссор, уличного театра, где все проходит для зрителя – а, это самый захудалый актер, раз ни в каком театре его не берут. Снисходительность на большой сцене не проходит. Все укрупнено, все видно – малейший изъян, низкокачественное искусство. Вся моя гордыня разрушена, и тщетно пытается себя оправдать на спасение себя – я ничто, то есть как все, а это самое страшное. Это смерть. Нет главного – уникальности, то есть своей собственной жизни, своего ощущения действительности, себя в мире, своей ценности, значимости на этой земле, понимания, зачем я живу и что выношу на сцену, чего хочу от себя и от жизни, хочу ли что-то свершить, чтоб стало лучше. Цель потеряна, меня болтает на водах реальности, и курс потерян, звезда скрылась и погасла. Домашний кот попросил смыть после него в унитазе, и я отправляюсь на кухню к своей милой... звезде! вот мое спасение, она подскажет мне курс и направит к берегам, она даст силы и веру, и знание как мне быть и что делать и как – к ней.

Доброе утро! Как вкусно пахнет кофеем – ее рук дело, приятно чувствовать прохладу морозного окна и обжигающего душа. Жизнь обретается. Я вновь на Старом Арбате. Арлекин для прохожих, и для специалистов профессионал –

получаю

приглашение: впереди Новый Год, и мне предложен контракт, который просто от Бога, как по творческим вопросам, так и по материальным.

И вот переезжаю на новую квартиру:

обветшалые стены, у хозяйки старенький халат, полная орава детишек, я прохожу в комнату, где нет кровати, я согласен, все остальное остается для меня неоткрытым.

О, господи, сколько же тараканов, на кухне кто-то храпит. Я пришел ночью, весь день в суете, но сразу же ударяет запах прокуренной комнаты, я вспоминаю, что вещи мне помог перенести какой-то мальчишка вынырнувший из-за дверей, уже без стекол, прикрытые занавесками, везде, где только можно детское белье, ах да ведь еще маленькая девочка встречала меня у входа и, играя глазками все интересовалась, сколько у меня вещей. На окнах занавески с причудливым узором, чуть переливаются, видно раньше здесь был и вкус и достаток, теперь вот кто-то храпит на кухне, прямо наброшенном на пол матрасе, а в другой комнате две девочки и два мальчика, сама хозяйка встретила меня на удивление в привлекательной голубой ночнушке. Ночью дети ночью кашляли от пропитанных дымом одеял, и я вспомнил вновь глаза и голос хозяйки, что-то в ней было от отмирающей интеллигенции. Господи не дай мне ошибаться.

При виде всего у меня заныло сердце, и я заобещал себе, что буду помогать этой женщине с четырьмя детьми и зо-

лотым сердцем. Чуть смутившись, она попросила пригла-
сительный на елку для детишек, я перед этим сунул визит-
ку детского кабаре. Не имея свободной койки она все-таки
оставила мне раскладушку. Я был глубоко тронут и растя-
нулся на широченном матрасе, который только что приобрел
за сумму, где другие ради нее работают месяц, но я, правда,
тоже взял в долг.

Утро, для меня жуткая рань, дом гудит как улей, и вся
затхлость вчерашнего ощущения проходит под радостными
возгласами детворы. Храни их Боже.

Наступает вечер, мы клеим обои...

Не спится, очень хочется курить, сложно находить буквы,
на кухне разговаривают, но почему-то не хочется прислуши-
ваться. Стараюсь не делать ошибок, знаю, что ты

прочтешь. Курить, курить, ...краешек, за который всегда
можно ухватиться, но все равно соскальзываешь ...Поехала
на Мосфильм, унылая дорога, порезала палец. некуда при-
ткнуться, потом, потом, ...на кухне моют посуду (ночью),
странно темно, кашель, хрустят обои, а вдруг свалится на го-
лову (юмор).

Ты спишь, ты далеко. Действительно люди ревнуют к спя-
щим. Вернее спящих. А иногда здорово не спать все-таки.

НЕ знаю, Не знаю. не знаю – любимое слово ...безответ-
ственность

КуриТЬ, куриТЬ. КуриТЬ

Скорость печати совпадает со скоростью мысли, когда записываю, когда говорю, о, вру. Все не так, все выдумка, а может я действительно такая и все так просто. Тогда обидно, не хочу ну, все, хватит. ВСЕ. все. все

Интересно? а? Ночные заметки в стиле ... (???)

не обращай внимания. Это я дурачусь больше не буду пока. До встречи. Целую.

Ты самая большая умница, хотел сказать – выдумщица, но, боюсь быть не правильно понятым, ведь, хотя это лучший комплемент, и ух! как точно передает все, что вы творите, именно творите – вас люблю, как жаль, что мало сказал, пора бежать, буду говорить на ходу мысленно – держите эфир. Очень, очень...

– Ваши ночные заметки это очень хорошо».

Немного приведя комнату в порядок, расставив вещи по местам, я чуть успокоился, справа зажурчал обогреватель, мысли хорошим чередом, я стал думать о том, что иногда мне что-то удается в жизни, от горячего бутерброда и горячего чая на душе потеплело и кое от каких моментов жестокой необходимости мне стало стыдно, но глаза уже слипались, и падал ко сну, расслабленный после длительного внутрен-

него напряжения, и кажется, попал в какую-то другую страну спасибо тебе Господи за все, что ты даешь, Аминь.

Как здорово просыпаться и над тобой где-то через бетон звук Штраус, Шопен, Гайдн, через стенку вбок – детский лепет. Кстати, вот сюрприз – мои соседи прибрались в коридоре: аккуратно расставили обувь, помыли полы – если мы еще вместе победим этих ужасных тараканов, то видимо и матом они перестанут разговаривать. Хотя это у них мило получается, но все равно я думаю это не лучшая форма для выражения своих мыслей и эмоций.

Вот и успех пришел, кто-то тихо, незаметно, естественно, словно само собой разумеющееся

* * *

(ее заметка опять в моем дневнике)

...была такая история... Двое людей очень любили друг друга и были счастливы. Но она была старше него, и, когда ей сказали, что она испортит ему жизнь, будущее, все не свете, она вдруг поверила этому и решила расстаться с ним.

Он пришел в полное отчаяние, умолял ее, плакал как ребенок, но ей удалось

уговорить его. Она пообещала писать ему...

Первое письмо пришло на другой день... В нем она писала о своей невероятной тоске, сообщала, что уезжает, и утешала его как могла. Ровно через год пришло второе письмо. Оно

тоже было грустным и тоскливым, но не таким, как первое. Что-то стало забываться, померкло в памяти. В конце письма она сообщала, что в первый раз за все это время улыбнулась солнечному лучу, мелькнувшему на аллее. Следующее письмо пришло через пять лет...

Она писала, что не грустит, часто смеется, и один раз даже танцевала. Она писала, что у нее появилось особенное чувство к нему: нежность, светлая нежность...

И еще через пять лет пришло письмо. «Проходят годы, – писала она, – наверно, у тебя уже есть дом и семья, которым ты дорог, а я постарела. Если бы мы сейчас встали рядом, нас бы могли принять за мать и сына. Мы были правы, когда расстались».

Он читал эти письма, и они помогали ему, ведь в первое время он не хотел жить, мучился, искал ее повсюду, и только эти редкие листки его спасли и успокоили. Одного он не мог понять, куда она уехала, где сумела скрыть от него.

И вот через двадцать лет после расставания пришло последнее письмо...

Она писала: " Прошло двадцать лет, как я умерла. Ты меня уже почти забыл и простишь мне, что я покончила с собой на другой день после того, как мы расстались. Я не могла и не знала, как жить без тебя. Двадцать лет по моему поручению посылались тебе письма, и в этих письмах я пережила тебя только для того, чтобы расстаться с тобой ласково, осторожно... и очень нежно»

Ну, как Вам это понравилось?

О-о-чень грустно, но все-таки красиво???

Это написал Анри Барбюс рассказ «Нежность», а я напечатала, потому что все равно делать было нечего.

Извините, что «засоряю эфир», хотя и обещала, что больше так не буду. Прости.

(2.12.2000г. суббота 4:03) Доброе утро Вам и Спокойной ночи мне!

Всем спасибо, все свободны!

Это то, что осталось после нее. Весь день мы отели, словно нас трясло на вулкане. По тысячному разу просили прощения и, не могли понять что происходит, порой списывая на усталость. Потом близкий друг, отказавшийся от совместной работы, злорадно отзывался о том, где ему не состоялось быть. Зависть. А если так будет дальше – то видимо останется только тот, кто действительно.

А сегодня свершилось – о, чудо я попал в круг великих мира сего, а точнее времени сего, ибо в мире великих я живу всегда, только об этом никто не знает. Доброе утро – жизнь прекрасна. Новые возможности, новые шаги и наша любовь

обретает страсть. Мы падаем в наш огромный матрас, рядом нераспечатанное новое белье, а потом с чувством легкости и благодарности друг к другу возвращаемся к любимой работе – это здорово. И вновь на утро распластаться разгоряченными телами. И лететь по раскисшим улочкам попутным ветерком.

Ношу под сердцем новый замысел, омываю себя тонкой струйкой, а в чашке с чаем, я нашел затонувшегося таракана. Тяжелый дух от соседей, и легкое ощущение. Неужели когда-то свершиться моя мечта...

И новый день несет свежесть снежного утра. Открытая дверь на балкон и я остаюсь один, сбросив на плечи головы и в забытьи провисеть целую ночь. Потом на утро позабыться от маленькой надежды быть. И когда отпускает боль можно перекусить. И Господь помогает страждущим, и присылает им поддержку. Я пытался собрать своих друзей, а собрал рвачей, теперь меняю их на неизвестных и дай мне силы, Господи, чтоб в них открылось чувство любви в первую очередь к творению, и только после к поощрению. Спасибо.

3

Ах, какая изумительная встреча с профессионалами. Незабываемый день и доброе утро, доброе утро – всем. Была прекрасная ночь, я выспался глубоким сном, правда являлась мама и там что-то было у нас с деньгами, я ничего не мог

понять. Потом я как обычно позвонил своей любимой. Мы обменялись милыми нежностями, от которых каждый новый день становится ярче и светлее.

А вечер это всегда вечер, но что-то я нахимичил с телефонной точкой и на утро ни с кем не мог связаться, ко всему прочему и часы на компьютере куда-то пропали. Что-то не так, даже строчки рассыпаются, где-то я подключил более мощный ток и провода не выдержали, запрыгали в произвольном порядке, капризничая и придумывая невероятные небылицы, чтоб оправдать свое поведение, мне трудно их собрать и вернуть к действительности, свобода стала во главе закона и мне теперь надо как-то с ней соединиться.

Какое же у меня все-таки чудо просыпается рядом и поет песни, подобные небесным звукам, а других я не знаю. Что-то меня беспокоит. – а, вот, я истощен, все нервные и физические перегрузки, как бы не радовали, но не поднимают утром с постели. И никакое обилие на столе не заменит обилие сна и его силы потустороннего мира, и, конечно же, конечно же, страсти любви которыми мы иногда, по мере сил и не по мере, наполняем друг друга. Жаль только что приходится иногда расставаться. Особенно когда очень нужны друг другу.

Очень важно распечатливать мгновения, трогающие душу. Вот ночь, заснеженная Москва, тараканьи бега вокруг и по мне, я вымеряю площадь будущего проекта, я предлагаю идею за более простые деньги, я предлагаю быть так же как

само искусство – бесценным. А значит не измеримым ничем.

Счастье улыбается тем, кто в него верит, но подает она себя порой под удивительным соусом. Когда остаешься без крошки хлеба, один на всей планете, здесь главное не суетиться и принять ситуацию какой она есть, для меня главное не впасть в апатию ко всем, я потом очень долго из нее выхожу. Но если прикладывать хоть немного своей воли, то есть вероятность выживания. Но Бог видимо всегда знает о страданиях своих овчих и не оставляет их в беде, откликаясь на их просьбы, и хаос превращается в порядок, который так нужен для устойчивого ощущения жизни.

Бессонница приходит как спасенье от рутинного однообразия жизни, она взрывает ритм, создавая диссонанс между привычным и реально приходящим. Кто скажет, что революция не происходит ночью, тот может врядли еще себя долго считать мудрецом. За окном по-прежнему метет, сереет и я по-прежнему тешу себя надеждой, столь иллюзорной, что кажется, порой, что, и сам уже становишься призрак. И за окном совсем уже вечерело. Я вернулся домой, меня встретили веселые тараканы и соседский мальчишка с разговорами о компьютере. Сажусь у телефона и все думаю, что актер это не профессия, это судьба и это больше чем и не оценишь ни чем наверно, поэтому так легко даю себя обвести вокруг пальца и продать там, где другие берут в три дорога.

Но вот появляются силы, и я вновь берусь за дело. Но вдруг в один момент обрушивается небо и все перевора-

чивается. Словно одна большая стихия сносит все, как казалось нерушимое, теперь это превращено в песок и развеваемо пылью. Так кончался у меня год. Так видимо в этой пляске смерти, куражах и страстях зарождалось нечто новое, что видимо в последствии даст свои новые плоды. Спасибо небо.

И вот логическим завершением всех предательств стало и ее отхождение. Я вновь один, о небо, я вновь один ни с кем не связан – путник, судьба моя – одиночество. Сердце не рвись, успокойся, ум не блуждай суетой – коль выпало счастье дороже, прими как дарованный с неба покой. Все жидется в моем, и прячется затхлостью, все вечно идет на убыль. Одно только имя сияет над пропастью – это ты, только ты, а дальше вечность.. как долго его я ждала...

Светопреставление – я спокоен, я этого ждал. А за окном зимняя ночь, я живу в гостинице уже трети сутки и на столике у постели покоятся малюсенькие сережки, она их таки забыла – конечно, ведь вся в кашле, да и торопились. Но вот возникает новое чувство и ведет за собой стальных. Что-то мягкое и утешающее наполняло все мое существо.

Прошло ...наверно два-три месяца. Подготовка к выпуску спектакля была напряженной и очень эмоциональной. Последние давно отодвинули разум как сдерживающее и контролирующее начало, и только царство фантазии и выдумки владело нами всецело и поглощающе, отбирая сон, заполняя его своим торжеством созидания и невообразимого трепета перед случившимся, осознание которого приходило време-

нами и то в виде шутки, словно все происходящее не реальное и мы давно уже ушедшие из времени. Мы творили свой апокалипсис и своего Бога живого пришедшего и принесшего музыкальную тембральную ритмичную философию лирики, видя в этом чудо, освобождение души от удушья и тлена. Активная невообразимая игра красок, открывшихся от подобного творения, словно огненной рекой прошла по нашим многовеково-закорюзлым сознаниям, мы задышали ... огнем! несколько было не привычно в столь новой форме существовать, но под конец мы вроде бы освоились.

Гастроли наши отложили. Я прочел свои стихи из записной книжки, мне они показались ... О чем мы всегда говорим? Чего хотим друг от друга? Я верю в любовь, а мне подсовывают ненависть, зависть злобу. Кто-то стал «копать под меня» – зачем? из желания проверить меня на прочность или занять мое место (судьба руководителя) а может просто из простого неразумения и своей амбициозности и веры в то, что он абсолютно прав. Но я не претендую на истину, я выполняю лишь то, что мне отведено свыше и как положено на душу – я мягколиберален, а может быть подвижен, и нежен, и в противовес жестокости ставлю любовь, но кто-то видимо пытается уравновесить то, что мною лишь твориться однобоко. Есть какая-то высшая мудрость, она есть Бог, а я не есть он и потому не полон, вот только когда пишу.

ПОЧТАЛЬЕН

он носил вести события когда-то было нужно и когда на-

оборот. За это он получал деньги и полное отвращение окружающих. С каждым днем я все больше проникался его трудом и был рад, что именно он делает это дело, с особым рвением или горением. Я, представляя если бы это был кто-то не он на этом месте – холодный и циничный, то мне становиться страшно – тогда не было бы и меня. Ведь именно он оттеняет мои поступки и компенсирует атмосферу тем, что я не могу сделать. Лапа

С ней встречался со старыми художниками прошлого века. Восхищались вместе, разыгрались не на шутку, что даже зима оторопела глядячи.

Прошло неизвестно сколько месяцев. Она спит, вы спрашиваете, почему я никогда не женюсь... Меня не было один день и цветы в доме умерли. Но что я могу сказать: ведь я ее люблю.

Меня вдруг неожиданно расслабило: все тело превратилось словно во влажный пузырь и стало растворяться то в воздухе то в каждом предмете, что меня окружали, то просто в каких-то мыслях доносившихся меня из развернутой книги, что вот уже сколько времени покоиться на столе. Словно потеряв себя я блуждал в этих мирах, совершенно не зная для чего и зачем меня была дана эта дорога. Оторвавшись в очередной раз от действительности я словно отдышал от мирской суеты, а что мозг не бесился от своей неспособности постичь происходящее я отключил его и шел, что го-

ворится на автопилоте своих инстинктов, которые с радостным визгом свиньи освобожденной от загона резвились куда угодно. Такие минуты, когда оживает природа от гнета рассудка, держащего все взаперти логических связей, я вдруг становлюсь подобно воздуху своих молекулярных единиц, живущих жизнью...

Творцом по природе она избрала полотном своей живописи жизнь, толи по причине наблюдения за своими родителями которые жили лишь в мире искусства, толи по другим признакам, но так или иначе она стала рьяно проводить идею своей гармонии, по средствам простейших поступком и вещей.

Майский дождь принес боль. Болью стал конфликт. Конфликтом стала любовь. В доме на Тверской произошел разлад – поздний визит гостей. Последствия странно – напряженные, словно обида пришлась в самое сердце, словно совершенно что-то из ряда вон выходяще, словно происшедшее было не в творческом круге.

А однажды наступает утро, где каждое слово становится легким и полным, словно питая каждую частичку всего тела, превращается в хлеб: омлет, кофе, огурец, и что-то еще, что мы можем обозначить как жизнь в полном объеме свечения. На второй план отошли бои, вызванные многими потерями блистательных путей. Мы нашли теперь возможные варианты:

Снова утро-счастье было так близко, но она попросила

провести ее до метро и предвосхищавшая себя свобода и радость что несколько строк лягут свободно на лист, не неся в себе проблем, а только вот эту радость возникшую у нас за два с половиной дня, когда мы оторвались от всего и окунулись друг в друга и были счастливы до бесконечности и теперь оборвали это одним мгновением: я оделся чтоб провести ее до метро, с охватившей меня грустью окинул нашу комнатку, которую хотел так живо описать, свободным от мыслей, она прочитала это взгляд – Не хочешь? – Можно я останусь, хочется.. – и я сделал жест по клавишам, она проглотила – Просят хотя бы рядом.

Моя радость улетучилась, я вернулся на землю к обыденным делам. Я уже не хотел быть писателем. Меня волновали проблемы заработка и подарков своей любимой, маленьких радостей присущих людям в достатке... Свобода обретается жестокой ценой.

Далекой от нежности и теплоты телесной, от мира покоя и радости. Непонимание как бич – все, что секунду назад в любви было осенено ее сияние, теперь рухнуло, потемнело, упало пылью, словно и не было, словно прах, а казалось это вечным. И я мечусь по залитой весенним солнцем в комнате, словно уже превращенный из агнеца во льва, и все, что было так прекрасно в эти дни все всплывает в памяти ужасным грязным и не возможным. У меня опускаются руки, отнимаются ноги, сердце не хочет биться. Ладонками я ощущаю помолодевшие ткани глаз, но теперь это не нужно – я

умираю, что-то умирает во мне. Мне не выжить.

Я просыпаюсь, сбрасываю теплоту любви укутавшей нас за эти дни, я обнажен и свободен. Пусть колюч и невозможен для общения, но я пишу и это главное. Я свободен в духе.

Она уходит и я мечусь в себе ища хоть маленькой зацепки, что все, что было это прекрасно и подлинно, но все рухнуло, лопнуло, растворилось – очевидный день.

У нас разные пути – она к земле, я от нее.

Иногда она движется к земле, а я от нее, потом наоборот и лишь иногда мы встречаемся и бываем счастливы, застывая, задерживаясь минуту в своем могу. Останавливая время, раскрываем мгновенье, задерживаем дыхание, останавливаем сердце и живем друг другом, тем, что выше нас, то, что объединило. И опять в разные стороны! Мне никак не удастся решить главную проблему, проблему сосуществования свободы и любви. Господи, когда эта борьба прекратиться!!

Помолодевшие ткани глаз. Сколько теплоты в самом сердце и сколько тревоги – я опять один со своим творчеством. Мысль что она сегодня проведет вечер у своей мамы, меня

приводит в бешенство. Я никак не могу привыкнуть к одиночеству, а как еле – еле приспособливаюсь, оно уходит, и вновь возвращается, когда ослаблен любовью. Вдруг приходит какая-то простая банальная мысль, что все прощается и высветляется любовью, и почему-то становится хорошо на душе, или я путаюсь в духе, не-з-на-ю. И сумма всех прожитых лет сравнивается нулем, когда такой миг осеняет тебя – три дня заниматься любовью, с небольшими перерывами на обед, и как подарок молодая кожа вокруг глаз.

Очень жаль только расставаться даже на какое-то время – никак я не могу справиться со своим одиночеством. А, привыкая к нему, нахожу, что мне уже никто не нужен, что-то открывается внутри, что поистине дарит постоянную близость. Я нашел это за много лет, отстраненного существования.

Однажды она захотела меня увидеть другим, и я невольно захотел от нее того же, и

мы что-то потеряли, а обрели: она красный распухший нос, а я равнодушное умное лицо. Но сутки любви и мы отрываемся от земли к небесам.

Мы забыли про телевизор, про то, что вообще надо быть с миром. Россия в этот момент претерпевала ряд своих изменений. Я же приобщаясь к ней все больше испытывал отвращение.

Вот и наступило время, когда мы стали близки. Сегодня пригласили на встречу поговорить о моем ремесле: в мистике природно-женственного есть большее начало жизни, чем

в рациональном мужском иначе бы не было воскрешения, только в природе возможно рождение через смерть.

Я продолжал крутиться в мире шоу бизнеса, а глаза искали другого и что-то уже предпринимало шаги – меня перед этим уже темнило.

Меня постоянно мучает голод, я никак не могу насытиться. Я постоянно смотрю, всматриваюсь, возбуждаюсь, взрываюсь и, наслаждаясь вновь желаю с еще большей силой, с еще большей сжигающей. Я не могу остановиться и не хочу, только некоторые дела дают возможность передышки, но даже в них каждую секунду этот огонь. С появлением ее он усилился во сто крат.

Она мила кротка порой взбаламашна игрива как ребенок, в сущности, еще ребенок умна в каждой минуте и изобретательна, терпелива в правилах и экспрессивна в свободе, она все умеет и все может, рядом с ней я вырастаю в гения. Я понимаю, что обратно в спокойную жизни мне не вернуться – она смертна, но и эта изматывающая о в этой есть будущее порой оно мне видется. За окном дождь, я сплю, но во мне все бушует, рвется вылиться и изматывает, мог – во что, экстаз освобождения, оргазм взрыва – портрет эпохи. Мы все освобождаемся чтоб, оказавшись в пустоте почувствовать свежесть новой жизни, творения с самых азов. И это бесконечная цепная реакция каждым разом все больше и дальше, увлекает.. я пытаюсь перенести страсть на дру-

гие формы творения, но каждый раз возвращаюсь к одной и той же. Когда касаешься ее все остальное становится тусклым и ненужным, и чувствуется во всем что вне ее оттенок мертвечины. Ты ощущаешь ее жизнеутверждающую силу, ты чувствуешь как тело и твой мозг не способны выдержать всю ее суть – и взрываешься . . . Нейметя, вновь и вновь этот опиум глотаешь, чтоб убить окончательно всякую связь этим миром бездушия..

Во мне происходит что-то катастрофическое. Вся концентрация моего внимания собрана на этих процессах, все остальное унесшее меня не волнует и абсолютно не интересует – хух! мне кажется, удалось переместить сознание. И уже в данном ракурсе свободней дышать. Но что-то по-прежнему держит – я вижу этот старые привычки, что создают видимость некого постоянства, к которому так стремится все человечество, убивая себя – кукольные:

Вечер один из тех что (я пытаюсь ловить свое сознание) обычно дарит счастливый покой. Но в такие минуты мне нечего писать. Я сижу как истукан и тычу пальцем по клавишам ничего не соображая и даже для чего, словно привычка курить или пить, перенеслась на поле искусства. Периодически я куда ни будь езжу (я ведь артист) и привожу воспоминания, но они проходят ровно через день и мне кажется, что это далеко а сегодняшняя рутина убивает во мне все и пишу я все меньше и меньше, плюс ко всему я становлюсь знаменитым но не в той области которой мне хотелось бы.»

Вот и еще один роман в моей бездонной копилке кому-то принадлежащей. Маленький такой рассказик в три недели: встретились, желали встряхнуться, сделали это мудро и поставили точку. Слишком мудры! В этом возрасте нашей истории уже все пропускают через мозги. Наверно это вновь когда-нибудь все вернется, когда мы станем слабоумными старики, правда, тогда уже нас привезут друг другу на качалках. А когда-то были молоды, безрассудны, творили не весть что и были счастливы.. Мы показатели своей эпохи, а может и вечное знамение людей вкусивших яблоко, зачем нужно было вообще его сажать... неистребимая тайна.

Закончился роман. На душе пусто светло чисто. О, сколько бы я отдал!.. о, нет, никогда не вернусь, пусть кто-то другой жаждет полноты.

Предатель.

От куда он появился? – с поля таких же. Чего он хочет? – превосходства, Почему? – неподвластия. Что мне делать? – Ждать! Когда он совершит свое злодейство и сам себя уничтожит.

Исходя из того что он прямолинеен и открыт, но под натиском сокроется, отстранившись, пойдет в обход – удар будет нанесен со спины, как сейчас там идут сплетни, сгущается атмосфера и я упаду лицом вперед, по мне пройдут, но я не умру. Я встану и, пятясь, уйду в глубь. После будет обоюдная смерть и воскрешение душой.

Пробуждение.

Толи событие выявило, толи опять же оно раскрыло недра души и побежала природа по улицам тонкими пальчиками, касаясь острых углов, омывая, растворяя упрямые сопротивления

Весна

Она плыла и исполнялась радостью ко всему живому. Воздух был наполнен светом и сквозь заросли, похолодевшего за зиму, терновника вились кудри раскосистых лиан, еле слышимых облаков..

Стояла страшно тяжелая пора подготовки к выпуску проекта, и никто не знал каким будет исход. Но многие уже слышали звуки.

Они доносились с небес, словно предвещая что-то что, будет по истине невероятным и от чего вся наша прежняя жизни покажется столь мелкой и убогой, что просто захочется выбросить ее из окна – пусть себя летит, развеваясь пыльными струйками дождей уходящей эпохи.

Я иду, в отличие от того, как когда-то летал. Я не ел уже тысячу лет теперь желудок приятно ворчал благодаря своего покровителя. Пустой сто уже не пугает своей тишиной и пугает сны прелестными мирами, но окрыленная земным чувством, душа, улыбалась ясному солнышку и свежему дыханию, носившей ее над карнизами домов, наполняя ее невероятным чувством глубочайшей признательности и симпатии ко всему живому.

Предзнаменование.

Когда ни будь, конечно, все проходит. А пока на меня наваливаться нескончаемы потоком проблемы и каждую секунду я должен их решать. Но за окном весна – и утром они просыпались счастливые

Возвращение

Я вновь возвращаюсь к себе. Я слишком долго был вне себя от радости, которую мне подарила судьба-любовь и признание людей что Я Есть, что я не умер для всех. Мое сердце дышало только этим, теперь я возвращаюсь – обращаю его к тому, что внутри меня зовет воспеть его что оно есть, его значимость в жизни моей и всех так же велико и значимо, как и то, что мы делали – сказать что мир без него и не существовал. Шаг – очень прост: отодвинуть от себя то, что связывает тебя с ним

Затмение

Приходит, толи от усталости толи невозможности выразить до конца суть возложенную на тебя, но так или иначе – ты куришь одну за одной и покой тебе по – настоящему начинает сниться, ведь ты даже во сне работаешь, и только ради того чтоб получить имя, имя которое даст тебе дорогу для реализации свои планов. Ты убиваешь себя прежнего, чтоб родить нового, способного охватить необъятное, совершить то, что все считали невозможным и тем утвердить совершенство данное тебе от Бога.

Я так и не выявил предателя.

Завершение.

Все разрешилось таинственным образом – зло было побеждено. Это сделала та кто сложила в мои руки заповедный ключ к великой тайне творчества. Она была зрелым учителем, а я послушным учеником. Она верила в меня, я должен был решить то, что в тайне она держала под секретом от всех, теперь настало время. Но у зла была жена и ее колдовская сила мести получила свободу. Но это следующее произведение. Большое и сложное.

МЕСТЬ

Она проникала ко мне через женщин – слабое звено в моем существовании. Но я, верно, выбрал путь, отказавшись от них, словно предчувствие великой борьбы подвигнуло взять себя в ежовые рукавицы. Это борьба была с невидимым врагом, трансцендентного существования.

Вот и утро наступило. Пасмурно. Что-то не получается у нас с Эросом. Иногда мне кажется, что наши чувства далеко-далеко, а страсть то приходит, то уходит. Как люди живут много-много лет – не представляю. У меня это впервые и никак не могу справиться.

Как видимо любовь должна перерасти во что-то другое, а у нас ничто не получается. Мне думается, что когда мы начнем разговаривать то может быть это и будет новый ви-

ток, но может быть молчание твое гораздо больше и может быть я мог понимать такой твой язык, что иногда и получается, когда я пишу. Я видимо так не могу улавливать твои слова, а вот пальцы на клавиатуре как-то сами получают. Может быть проблема во мне и моем непостоянстве, а может в непомерной фантазии, из которой рождается вечное недовольство действительностью. И еще... тебе сейчас нравиться спать – мне бунтовать. Пройдет время, когда тебе станет, как сейчас мне – а мне будет 40, я уже захочу спать. Странно мы встретились. Я поставил себе задачу не связываться ни с кем себя на долго, слишком я обременителен, и вот теперь мучаюсь, чувствуя, что мучаю тебя.

Сегодня я впервые не впал в твое состояние, и вспомнил, что мне приснился сон: с каким то ребенком я бегу от множества людей; они даже стреляли; была ночь; мы прятались в кустах...

Ты знаешь, я вспоминаю, когда мне было сколько тебе я тоже спал, я был, как бы погружен в воду своих подсознаний, ведь до этого я жил бурной внешней жизнью. Я не знаю, как ты жила раньше, я не хочу об этом знать, пусть будет немного того, что я чуть- чуть домыслию, чтоб воспринять сегодняшнее без анализа на прошлое. Меня по-прежнему не прельщает аналитический подход к прошлому.

Тибецкие колокольчики ... последнее время ты стала для меня больше другом, нежели женщиной, я не грущу по этому, но, глядя в твои глаза, грущу, что не могу дать тебе ощу-

щения быть самой. Почему ты всегда хочешь быть такой, какой тебя видят другие?...хотя в прочем я был такой же... Смотрю на тебя спящую – господи, как божественны твои черты – чего я мучаюсь?!

Ну, вот и прошел сложный период, Лап! Это всего лишь некая истраченность, усталость чувств, невозможность отдавать

Привет.

Вот. Я пишу тебе письмо. Это ты хорошо придумал – переписываться. Я не очень привыкла свободно разговаривать. Ты приедешь через несколько часов. Я тебя очень жду. Без тебя уже не представляю, как мне жить. Конечно, даже если мы когда-нибудь расстанемся, я переживу. (Я чувствую в себе силы пережить многое, даже такое – но есть ли смысл переживать, надо жить). В сентябре, когда меня мама спрашивала о том, что я к тебе чувствую, что у нас с тобой за отношения, я толком не знала что ответить, я не знала, какие у нас отношения. Но я сказала, что я хочу быть с тобой всегда – женой, любовницей или другом, или просто приятельницей. Наверное я еще не знала о чем я говорю, но сегодня я точно знаю, что это так. Я не хочу накладывать на нас какие-либо обязательства, да и в этом нет надобности. Я тебе очень благодарна, за то, что ты просто есть. Потому что, только с тобой я чувствую, что есть я. Прости, что так много о себе, но не все готовы это слушать.

Извини, но я открыла вино, которое ты хотел подарить Нине Ивановне. Прости.

Тоже прости, что я говорю о моих словах, что я сказала маме. У вас складываются не очень хорошие отношения. Меня это тяготит. Но не думай, что мама не знает твоего отношения ко мне. Она видит больше, чем, наверное, мы. Мне кажется, она к тебе относится как к мужчине, которого сама бы хотела встретить и немножко ревнует.

Ладно, хватит о маме.

Я все-таки – пацанка. Т.е. бесполое существо. Если тебя это устроит, то я ваша на веки.

Только не смейся. Хотя я очень люблю смешить людей.

Я не хочу обременять тебя и ни кого. Это самое страшное. Тогда мне не хочется жить.

Я чувствую, тогда, что в меня вонзаются рыболовные крючки, в мое мясо, в мою душу. А я пытаюсь угодить чувствам и потребностям других, но только не тем, кто мне по-настоящему дорог. Я, правда, очень привязалась к тебе. И не рассчитываю на многое.

Бред. Утром проснусь, и все к чертовой матери. Как хорошо летать. Давай прыгнем с парашютом. Парашут – через «у» или через «ю». Надо проверить.

вот такое дурацкое получается письмо. Это при условии,

что между сточками я успеваю подумать. Приезжай поскорей. Скучаю. Когда ты меня обнимаешь. Я чувствую себя мягкой игрушкой. И это здорово. Если б так всегда. Ну, пойду прилягу.

Пиши.

Целую. Оля.

Надеюсь, что хотя бы раза два ты улыбнулся.

Письмо три.

Ненаглядная моя, какое же счастье что ты у меня есть: слышать твой голос, видеть твои глаза, удары сердца движения души тела. Боже, какое великое счастье ты мне подарил.

Оторвался от друзей и, наконец, с тобой. О, как я жду вновь возвращения того времени когда мы не расставались ни на секунду. Как вместе творили, вместе решали все проблемы, как вместе огорчались и радовались – все было вместе, и вновь жду это время когда это будет. Есть много прекрасных моментов в противопоставлении и игре между мужчиной и женщиной, и то, что мы сейчас проживаем увлекательно и забавно, но огорчает, что иногда мы не приходим к результату этой игры и остаемся по разным позициям «баррикад», тогда это очень обретает форму уже не забавной игры а «серьезных отношений» а вот именно в это я больше всего

не верю. Там где присутствует «серьез» всегда амбициозно и приближает к человеческой гордыни. Если б нам каждую игру завершать шуткой, то мы бы могли каждый раз прикасаться к божеству, а прикосновение к нему снимает всю усталость от нашей абсурдной жизни и чувство смертности. Мы это можем, я знаю, ты это можешь – я именно у тебя этому научился, этому восхитился и, поверь мне, тянусь к этому всей душой.

Ты пишешь очень хорошо – как говоришь, а это большой дар в литературе. Ты очень живая, что скоро такая же ты будешь и внешне. Хотя я могу ошибаться, предлагая тебе такую форму существования, вполне может оказаться, что тебе это как раз и не нужно. Ведь если Пушкин писал о тайной свободе, то видимо он имел основания хранить ее в тайне. Может быть, как раз моя внешняя свобода трагична, и дар свободы не стоит открывать публично. Но я уже выбрал этот путь, и он меня ведет и не сойти с него. Как бы это не обернулось.

5

Малыш, надо обрести цель, надо найти смысл жизни, тогда жизнь не станет проживанием и смерть освобождением, она станет жизнью дарованной нам свыше как единственный дар, который нельзя просто прожить как ужасное мгновение в вечности.

Прошло много событий, последнее я вновь один по собственному желанию «за столиком своих исканий». Неожиданно

данно делаю покупку в магазине вдруг понял причину твоих привязанностей и привычек – тебе нужна опора, чтоб привязать свой воздушный шарик, то есть себя к чему ни будь иначе унесет высоко в небо, где будет одиноко и ветер будет бросать тебя из стороны в сторону. Может это и правильно, чтоб быть человеком надо быть на земле, но вот бояться отрываться и, подружившись с ветров кружиться играючись – это восхитительно, стоит попробовать. Надо только найти пространство, где твой полет будет всем интересен (ведь в жизни это обременительно для окружающих) Попробуй, и чувство смертности уйдет вместе с гравитацией. Дерзай, я помогу.

Шаг 2

Четвертое присутствие

Роман с Тенью

(театроведческое рассуждение)

Он появился перед ней и знал уже все ее желание и проецировал ее мысли как свои. В каждом слове он удивлял ее сходством и вскоре она отдалась полностью), он мечтает найти родственную душу и доверить ей самое сокровенное).

Здесь даже не надо было доверять. Они были подобием, он ловко вальсировал своей интуицией улавливая все ее движения души, она любовалась собой и кажущееся слияние (ее называют еще гармония) было на лицо.

Господи, как это на каждом шагу! Мы ищем друзей и находим их только в собственных тенях. Сколько восхищения и умиления от подобных союзов, сколько удивительной горькой правды в своем собственном неисчерпаемом эгоизме самолюбия. Пишу я вовсе не для того чтоб уличить в этом человечество (на этом месте каждый оказывается периодически, и я в том числе – О, как я в этом числе!) а, сколько показать, что всякое приземление связано с подобной встречей. И всякая связь есть всего лишь встреча с собственной Тенью, и что любим мы лишь, когда расстаемся, когда снова обретаем полет. И любим лишь на расстоянии. Это произ-

ведение одно из поисков духовной любви, и пусть каждый, кто прочтет – на секунду прозреет, что только в свободе есть подлинное, а все остальное приспособление, то мы так легко называем гармонией. Я знаю меня осудят как противника браков и все что строит человеческое общество. Я никогда не был сторонником подобное, и часто знал Любовь, в высшем смысле того слова. И если мне кто-то кинет – почему я одинок? Я не смогу ответить, но... разве вы в своей придуманной гармонии еще не страшнее и злее от – того, что это так. Что как не скрывать, а это есть. И бросать в меня камень только потому, что открываю подобную тайну. Но ведь эта опустошает вас и так далеко уводит от настоящего! Пусть те сердца что откликнуться – не бояться, вы сделали шаг, и значит страх уже позади, и смерть отступила и вы бессмертны. Да воссияют души, освобожденные ото лжи!

Порой мы освобождаемся еще для того чтоб слиться с высшим началом.

Человек дождя.

Она

называла меня так. Как славно подниматься по струйкам воды в небо, и так же спускаться вниз.

ИЗ ТЕМНОТЫ

Маленькое предисловие.

Все что здесь написано, не имеет жанра, но уж простите – как есть!

как есть моя жизнь – **т е н ь**.

Его мучила вновь охватившая тоска по свободе. Уезжал даже не попрощавшись. Ноги были схвачены милым домашним уютом. Трепетные чувства оставленной возлюбленной резали совесть. Но встречный ветер в лицо освежал мысли, выгоняя из них тлетворный ил. «Главное не дать себе вспомнить» – билось в сердце. Дорога, одна, вторая. Освободившись, он уже мечтал о нескованных обязательствами жизни, где не надо вставать рано и провожать ее на работу, ведь не хочется, хоть и нежна и заботлива была вчера вечером и ночью, и каждый – без тени упрёка.. Вот только вчера, когда заключительный куплет был на пороге и мотив на гитаре звучал столь здорово – как Она стала бродить по комнате, доставать сигареты, чиркать зажигалкой, наливать вино, прижиматься щекой к его спине, отчего приходилось наклоняться к инструменту, и тот начинал фальшивить. «Нет только не вспоминать». Но потом Она

даже улеглась рядом, шепнув через плечо – ну, как скоро. Строчки прыгали у него перед глазами. Несколько уже было зачеркнуто, что никогда не было. Салфетка потеряла

свежесть, четверостишие получилось выпоренное и неуклюжее. Он отложил все, она удивленно открыла глаза

Вот ведь.

он писал свой трактат воодушевленной, забыв и отодвинув все что мучило, и трепало его душу. Она,

воодушевившая его, сказала, что будет оппонентом и внимательно слушала его чтиво. Сказала, что представляла в другом виде и ушла. Он остался один с вопросом от нее, что хотел сказать, и невероятная злость вскипала в душе. Блаженство покинуло, надежда обрела захватнический характер – теперь предстояло бороться в одиночку. Опять. Кто-то его понял. Он чуть успокоился, но мучило, почему Она так поступает – ведь всегда понимала каждый шаг, сама толкнула и теперь сторониться. Через несколько месяцев Она

кинула вскользь – если б я осталось в этом пространстве я не была бы такой как сейчас. Он остался пригвожденным к месту, откуда услышал это.

Прошло прослушивание. Не все гладко, но напряженно и внимательно. Говорили об изобретенном велосипеде и что туда соваться не стоит, и что я не один такого создавал, она сказала несколько слов и ушла не взглянув, наблюдая лишь за реакцией других мэтров. Мне показалось что она

когда – то, не сделав подобного шага, теперь жадно впитывала – а что могло быть с ней.

Писал я много. Желая быть ей принятым. Не получал от-

вета. Третий роман не отослал. Исписал за год все что волновало. Я не был услышанным ей, а значит и никем. Этим я поставил точку и стал клоуном.

С некоторых пор я перестал любить, но позволял любить себя. Я знал, что такое не взаимность и всячески пытался скрыть свои подлинные чувства. Я произносил слова о любви с одним желанием не сделать человека несчастным. Здесь ложь была спасением от одиночества и бед. В этой видимой картине благополучия душа горела одним лишь желанием чтоб когда – ни будь это стала реальностью. Вытесненное чувство боли и обид на непонятные случаи отвержения слонялись в пространстве бессознательного докучая звонками быть принятыми, но автоответчик просил оставить сообщения. Когда память переполнилась, и красная лампочка мигала не переставая, они стали являться в жизни, не зная точного адреса, попадались на улицах, создавая ситуации охватывающие меня и привнося в реальность непонятность, пока я не мог в них разобраться. Иногда ума не хватало – тогда я уходил, они догоняли и вновь овладевали. Лишь чувство пол-ноты, от всего этого, мирило с подобными проявлениями. Когда я понимал – возвышался и парил над землей, когда не понимал, был подавлен их высшим тайным предназначением и падал пока не появлялся кто-то, кто давал этому вразумительную оценку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.